

ИТАЛИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ

М. И. Ковальская

Эпоха николаевской реакции, пытавшейся сковать в России общественное движение, — время глубоких раздумий для многих лучших людей России, пора активнейшей работы мысли, острых идейных исканий. Богатую пищу для размышлений русские интеллигенты находили не только в русской, но и в тогдашней европейской действительности. И, пожалуй, особое место в их умах занимала Италия. «Волшебный край», «страна высоких вдохновений» для А. С. Пушкина; «лучший край и лучший мир» у Е. А. Баратынского; «дивная страна очарованья», по словам Д. В. Веневитинова, — этот романтический образ Италии глубоко укоренился в литературе и искусстве России 30-х — 40-х годов XIX века¹.

Многие русские мечтали посетить Апеннинский полуостров. У одних, например, у Пушкина, это стремление так и осталось неосуществленным, мечта других сбывалась. Судя по дневникам, путевым заметкам и письмам, относящимся ко второй четверти XIX в., число русских, побывавших в Италии, было весьма значительным. Так, видный общественный деятель и литератор П. А. Вяземский впервые приехал в Италию в 1835 г., привез на лечение свою дочь. Тяжкое нездоровье привело в марте 1837 г. в Рим Н. В. Гоголя, прожившего в Италии с небольшими перерывами свыше 10 лет. Не раз бывали здесь братья Тургеневы — декабрист Николай Иванович (заочно приговоренный к смертной казни и вынужденный поэтому до конца своих дней оставаться в Западной Европе) и литератор Александр Иванович, часто навещавший брата. В Неаполе у родственников жил после окончания Московского университета Александр Жеребцов. С 1829 г. обосновалась в Риме и создала там свой знаменитый салон «Северная Коринна» княгиня З. А. Волконская. Воспитателем ее сына был молодой С. И. Шевырев, в будущем критик и историк литературы. Своими впечатлениями об Италии делились русские литераторы, ученые, общественные и государственные деятели П. В. Анненков, В. Ф. Одоевский, Н. И. Греч, Н. М. Сатин, А. Д. Чертков, П. Б. Козловский и другие.

Перед русскими очевидцами предстала тягостная картина итальянской действительности. Страна раздроблена, в каждом из ее мелких государств правит абсолютный монарх. Экономическая отсталость, нищета, господство католической церкви и ненавистный гнет Австрии царят повсюду. Разумеется, различия в политических убеждениях побывавших в Италии русских людей неизбежно должны были сказываться и на восприятии ими итальянской действительности. Интерес к положению низов, прежде всего крестьянства (что явилось отголоском обостренного внимания русской интеллигенции к крестьянскому вопросу на родине), к социально-экономическому и политическому положению Италии приводил прогрессивно мыслящих русских людей к пониманию задач, стоявших перед итальянским национально-освободительным движением, к сочувствию этому движению. В корне отличался подход к таким вопросам представителей правящих кругов России (в частности, русских дипло-

¹ F. Venturi. L'Italia fuori d'Italia. In «Storia d'Italia». Vol. 3. Torino. 1973. p. 1288; E. Lo Gatto. Russi in Italia. Dal secolo XVII ad oggi. R. 1971. В работе Э. Ло Гатто приведены многочисленные письма, отрывки из дневников и путевых заметок, стихотворения деятелей русской культуры — В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, Е. А. Баратынского, А. А. Иванова, З. А. Волконской, С. П. Шевырева, П. В. Анненкова и др.

матов в Италии) и людей, близких к ним по своим взглядам. Однако в большинстве своем дипломатические представители России в Италии отличались наблюдательностью и могли в известных пределах трезво судить о положении в итальянских государствах. Это прежде всего относится к посланнику во Флоренции (с 1828 г. до середины 30-х годов) А. М. Горчакову, ставшему впоследствии министром иностранных дел России.

Пристальный интерес посещавших Италию русских людей вызывало положение низших слоев населения. Их поражала крайняя бедность народа, множество нищих во всех концах Апеннинского полуострова. Об «удивительной бедности», царящей в Венеции, писал в своих дневниках С. П. Шевырев: «В Венеции 40 000 жителей имеют дома, но утром, выходя из них, не знают, где будут обедать, а 60 000 — вовсе нищие. Все это благодаря австрийскому правительству»². Чрезвычайная нищета народа Сицилии особенно остро воспринималась русскими путешественниками по контрасту с богатством местных монастырей и благоденствием многочисленного сословия церковнослужителей³. По-разному реагировали на крайнюю нужду жителей Южной Италии люди различных убеждений. «Нищенство, господствующее во всей Италии, нигде не является в таком огромном размере, в таком гнусном виде, как в Неаполе», — отмечал с раздражением Н. И. Греч, писатель, который совместно с Ф. В. Булгариным издавал газету «Северная пчела», пользовавшуюся покровительством III отделения. Царящая в Неаполе «безобразная и бесстыдная» нищета шокировала и С. П. Шевырева. Совсем иные акценты в рассуждении на ту же тему находим в письме из Неаполя А. И. Тургенева П. А. Вяземскому: «На пустую Казерту смотрел с негодованием: тот же король построил еще два дворца, тоже никем не обитаемые! Какой контраст с окружающею нищетою!»⁴.

Русские люди всегда интересовались характером итальянского народа, который казался неподвластным «самой нужде и бедности»⁵, по словам Н. В. Гоголя. Вера в живую душу народа, в то, что Италия не «страна мертвых» (такое восприятие ее было чрезвычайно широко распространено в Европе первой половины XIX в.), что ее народ «не умер, а спит», что под пеплом живет огонь, — звучит, пожалуй, в подавляющем большинстве русских откликов. «Нигде не видал я, кроме Италии и России, чтоб бедность и тяжелая работа так безнаказанно проходили по лицу человека, не исказив ничего в благородных и мужественных чертах. У таких народов есть загаенная мысль или, лучше сказать, не мысль, а непечатаемая сила, непонятная им самим до поры до времени, которая дает возможность переносить самые подавляющие несчастья, даже крепостное состояние»⁶, — таковы впечатления А. И. Герцена от встречи с итальянцами.

В понятие «итальянский народ» включались представители низших и средних классов. О высшем же сословии «запоздалых во всем аристократов» русские путешественники были невысокого мнения. А. И. Тургенев с пренебрежением писал о безделье и невежестве миланских аристократов, которые «ничего не читают, редкие знают свою литературу, об иностранцах не имеют понятия... Но артисты в разных родах — лучшие люди: много независимости в общественных сношениях»⁷. «Нет ничего скучнее и бесплоднее римских гостинных...», — вторил Тургеневу П. А. Вяземский. — «Нет никакой жизни, никакой общей связи... Впрочем, полагаю, что это ничтожество господствует только в высшем классе, но в *mezzo ceto*, то есть в верхнем среднем состоянии, есть более движений умственной жизни, сколько удалось мне заметить, по крайней мере более общезнания и веселости»⁸.

² Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (РО ПБ), ф. 850, д. 14 (листы не нумерованы).

³ Н. Сатин. Поездка в Сицилию и Мальту в 1842 году. «Отечественные записки», 1842, т. 24, отд. «Смесь», стр. 100; А. Чертков. Воспоминания о Сицилии. Ч. I. М. 1835, стр. 19.

⁴ Н. И. Греч. Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии. Т. 2. СПб. 1843, стр. 287; Архив Института русской литературы (ИРЛИ), ф. 26, д. 14, л. 67 об.; «Архив братьев Тургеневых». Вып. 6. Пгг. 1921, стр. 173.

⁵ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Т. 3. М. 1938, стр. 245.

⁶ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. 5. М. 1955, стр. 103—104.

⁷ «Архив братьев Тургеневых». Вып. 6, стр. 174; ИРЛИ, ф. 309, д. 12, л. 86

⁸ ЦГАЛИ, ф. 195, д. 4108, лл. 11—12.

С восхищением относился к итальянскому народу Н. В. Гоголь. Он пристально изучал все стороны жизни римских низов, которые привлекали его прежде всего своей незатронутостью современной цивилизацией. Героем отрывка «Рим» является простой народ, в котором «материал еще непочатый... Его не зацеплял ход двигавшихся внутри и вне его интересов... В его природе заключалось что-то младенчески благородное,.. светлая непритворная веселость,.. народ, в котором живет чувство собственного достоинства... Самая нужда и бедность, неизбежный удел стоячего государства, не ведут его к мрачному злодейству; он весел и переносит все»⁹. Но, как справедливо отмечает итальянский исследователь В. Джустини, «в плане историко-политическом из поля зрения Гоголя ускользнула глубокая коррозия, которая разъедала светскую власть папы, и растущая оппозиция ей со стороны наиболее живой и молодой части населения»¹⁰.

Русских изумляла в итальянском народе его внутренняя духовная свобода, несмотря на жестокий «наружный» гнет. Проявления этой свободы они видели в народных праздниках, устраиваемых подчас вопреки воле правительства¹¹, с их «извержениями веселости» и огня, в необыкновенном остроумии народа. «Ни одного происшествия здесь не случится без того, чтоб не вышла какая-нибудь острота и эпиграмма в народе», — замечал Н. В. Гоголь. Глубокая религиозность итальянцев не мешала им создавать множество сатир и эпиграмм на священников, кардиналов и даже на самого папу. «Он умеет отделить религию от лицемерных исполнителей и не заразиться холодной мыслью неверия»¹², — писал Н. В. Гоголь о жителе Рима. З. А. Волконская познакомила П. А. Вяземского с сатирическим четверостишием на эту тему: «Увидев папу Льва XII, один иностранец спросил: «Скажите, это и есть святой отец, не так ли?» «Святой — нет,.. но отец — да», — отвечал капитан швейцарской гвардии»¹³. С. П. Шевырев записывал в дневнике: «Над папами любят смеяться и пишут на них много сатир. Герб папский изображает льва, держащего в лапах башню. Это объясняют так, что папа Леон (Лев XII. — М. Н.) подает Пию VIII башню Вавилонскую, т. е. Рим, который своим правлением привел он в хаос. Мы спросили у нашего проводника, который показал нам гробницу Леона XII в храме Петра: скоро ли ему воздвигнут памятник? Он отвечал: и не думают...»¹⁴.

А вот как отнесся к встрече с кардиналом кучер, который возил по Риму А. И. Тургенева в январе 1833 года. «Вот каналья! — закричал он мне, — притеснял народ, когда был здешним губернатором, и попал в кардиналы. Да и все они таковы. Недавно околели два прелата и все награбленное оставили не родным, а детям своим, по духовной. Здесь нет ни религии, ни стыда в духовных» ...Вот вам образчик здешнего простолюдина! Это не мешает ему ставить свечки мадонне и бояться черта»¹⁵. Н. В. Гоголь в письме из Рима М. П. Балабиной в апреле 1838 г. рассказывал о том, что «во время торжества и праздника по случаю избрания кардиналов» в Риме была плохая погода, а когда наступило время карнавала, установились прекрасные дни. «В народе вышел вдруг экспромт: «I Dio vuol carnavale e non vuol cardinale» («Господь хочет, чтоб был карнавал, и не хочет, чтоб был кардинал»)»¹⁶.

Народные празднества, по единодушному свидетельству всех очевидцев, обнаруживали «черты природного художественного инстинкта» итальянцев. «Может быть, это первый народ в мире, — читаем в одном из писем Гоголя, — который одарен до такой степени эстетическим чувством». П. В. Анненков восхищался праздником в Дженцано, где «мостовая расчерчивается в прихотливые фигуры мелом, по ним сыплются разнородные цветы... Мостовая покрыта великолепным ковром»¹⁷. О страсти

⁹ Н. В. Гоголь Указ. соч., стр. 243—245.

¹⁰ W. Giusti. I riflessi di Roma nella letteratura russa. «Studi romani», 1969, № 2, p. 175.

¹¹ РО ПБ, ф. 850, д. 14, запись от 16 июня 1830 г. (листы не нумерованы); ИРЛИ, ф. 26, д. 14, л. 88.

¹² Н. В. Гоголь. Указ. соч. Т. 11. М. 1952, стр. 142; т. 3, стр. 245.

¹³ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, д. 1651, л. 2.

¹⁴ РО ПБ, ф. 850, д. 14, запись от 16 июня 1829 г. (листы не нумерованы).

¹⁵ «Архив братьев Тургеневых» Вып. 6, стр. 154.

¹⁶ Н. В. Гоголь. Указ. соч. Т. 11, стр. 142.

¹⁷ «Отечественные записки», 1841, т. 16, № 5—6, отд. «Смесь», стр. 83; Н. В. Гоголь. Указ. соч. Т. 3, стр. 244.

итальянцев к музыке, к драме рассказывается в дневниках и письмах С. П. Шевырева. Так, 12 августа 1830 г. во время пребывания в Неаполе он сделал такую запись: «На Моло в два часа почти всякий день бывают чтения народные. Толпа ладзарони (босяков, нищих.— М. К.) собирается около чтеца, который объясняет им на неаполитанском наречии Ариоста или Тасса. Они принимают большое участие в страдах и подвигах героя, и когда ему судьба противится, то бранят его скверными словами». В письме М. П. Погодину С. П. Шевырев выражал уверенность, что «непременно должна воскреснуть драма в Италии, среди народа столько к ней способного, столько стихиями для нее владеющего»¹⁸.

«О музыкальном чувстве народа» поведал в письме сыну П. А. Вяземский. Живейшая реакция публики во время оперного спектакля в Риме безмерно восхитила его. «Здесь это не частное выражение нескольких знатоков, за коими толпа хлопает ушами и руками! Нет, это повсеместное электрическое движение!.. Новый Рим перенес в оперу форум предков своих. Тут еще он владычествует и законодательствует, казнит и милует, совершает капитолийские торжества и тарпейские казни»¹⁹. Борня высокого эстетического развития, присущего итальянскому народу, Вяземский искал в древней цивилизации Италии, в ее богатейшем культурном прошлом.

Мыслящие русские люди со свойственной им широтой подхода непредвзято судили обо всех сторонах характера итальянцев. Распространенное в Европе в то время стереотипное представление, будто лень — это характерная черта итальянца, с возмущением опровергала З. А. Волконская. Она писала: «Лень царит там среди жителей, как и во всех жарких странах, где форма правительства ведет к удушению всякого рода политической активности... Это — не лень от природы, но отсутствие возможности проявить свою храбрость». Вину за пассивность жителей Рима автор возлагает на правительство попов, бездейственное в области развития промышленности, подчеркивает трудолюбие населения Северной Италии и Тосканы. Причины пассивности итальянцев, особенно на юге страны, носят, по мнению Волконской, политический характер. «Дело слабости Италии — дело политическое, — подчеркивает она. — Это не связано с характером итальянцев. Вся беда — в отсутствии знамени, под которым они могли бы пойти на бой... в разобщенности, которая господствует среди всех народов Италии»²⁰, — проницательно замечает З. А. Волконская.

А. И. Герцен в «Письмах из Франции и Италии» не раз возвращался к характеристике итальянцев. После посещения Генуи (в декабре 1847 г.) он писал: «Лигуры (жители Генуи.— М. К.) мне очень понравились, в них есть что-то свободное, республиканское, и я вообще думаю, что характеристика генуэзцев, сделанная правоверным немцем Лео в его итальянской истории, ошибочна; а впрочем, с точки зрения католицизма и самодержавия, Генуя может и не понравиться: Маццини — генуэзец. Мне кажется, что вообще итальянцы сильно оклеветаны... Говорят, что итальянцы ленивы, обманывают, что они рабы, политические невежды и пр. Эти качества принадлежат всем народам в разных степенях... В итальянцах особенно развито уважение к себе, к личности... и под равенством они не разумеют равномерное рабство»²¹.

Острый интерес у русских наблюдателей вызывала интеллектуальная жизнь итальянцев. На состоянии итальянской культуры, просвещения пагубно отражалось господство обскурантистских клерикальных сил, тяжкий политический гнет в большинстве итальянских государств. Так, в Чивита-Веккья, по отзыву А. И. Тургенева, «ни одной школы нет во всем городе, и попы помешали устроить здесь даже заведения для целительных вод, опасаясь привлечь сюда иностранцев, а с ними и просвещение». В письме П. А. Вяземскому от 27 апреля 1833 г. Тургенев добавлял: «Цервей много, книжной лавки ни одной, даже нет ни одного кабинета для чтения»²². Аналогичную ситуацию наблюдал русский экономист М. С. Волков в Палермо: «Библиотек для чтения здесь нет ни одной... Газет тоже ни одной, ни в одном café»²³.

¹⁸ РО ПБ, ф. 850, д. 14 (листы не нумерованы); ИРЛИ, ф. 26, д. 14, л. 88 об.

¹⁹ Цит. по: N. Kauchtschiswili. L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjazemsky. Milano, 1965, p. 285.

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 172, оп. 1, д. 27, лл. 3 об.— 8.

²¹ А. И. Герцен. Указ. соч., стр. 76.

²² ИРЛИ, ф. 309, д. 14, л. 89; «Архив братьев Тургеневых». Вып. 6, стр. 208.

²³ М. Волков. Отрывки из заграничных писем (1844—1848). СПб. 1857, стр. 158.

Состояние итальянской периодической литературы, по мнению русских, было весьма неудовлетворительным. Это отмечал и автор заметки об итальянской периодике в «Отечественных записках», и С. П. Шевырев (который писал: «Ты спрашиваешь о здешних журналах. Э, брат! Захотел чего!»), и либерал-западник П. В. Анненков, называвший, в частности, официальную «Giornale dell Due Sicilie» «пошлой и пустой». По его словам, в герцогстве Модена, которое являлось «Парагваем всей Италии», поскольку в нем «самыми сильными средствами прервано всякое общественные мысли с Европой», журналы «носят на себе одинаковый отпечаток варварства, нетерпимости и мрака»²⁴. «Лучшим журналом во всей Италии,— говорилось в «Отечественных записках»,— был основанный в 1832 г. во Флоренции «Antologia»²⁵. Не случайно именно Флоренция, столица Тосканского герцогства, стала родиной этого журнала. Тоскана, «возделанная, благоденствующая, богатая», по контрасту с остальными итальянскими государствами воспринималась русскими, посещавшими это герцогство, как своего рода оазис. Однако известный либерализм ее правительства (весьма ограниченный прежде всего рамками проавстрийской его ориентации)²⁶ по-разному оценивался представителями различных кругов русской интеллигенции.

Так, положение с прессой в Тоскане тревожило русского посланника А. М. Горчакова. Отдавая должное литературным достоинствам журнала «Antologia», «в котором сотрудничали крупнейшие таланты Италии» и который «был единственным периодическим изданием, завоевавшим громкую славу в Италии и за Альпами», Горчаков вместе с тем осуждал его политическое направление. «Журнал, называющий себя научным и литературным, но использующий любую возможность, чтобы поместить политические рассуждения в либеральном духе»²⁷, не устраивал царского посланника. Русский библиограф С. А. Соболевский, также известный своими консервативными взглядами, посетив в конце 20-х годов XIX в. Тоскану, замечал в письме В. Ф. Одоевскому: «Тоскана привлекает иностранцев терпимостью веры и мирным отеческим правлением. Жаль только, что оно терпит карбонариев». Далее он сокрушался по поводу «развращающего» воздействия на «бедную» Италию «всех вообще книг и журналов», которые получает Тоскана²⁸. Иную оценку политики тосканского правительства находим у П. В. Анненкова в письме, датированном октябрём 1841 года. «Долго надо бы говорить об этой земле,— писал он,— чтобы объяснить, почему Альфьери... приехал умирать во Флоренцию, и как это случилось, что во Флоренции давно уже существует публичное судопроизводство, между тем как только в 1842 г. заводят его в Пруссии, и отчего, окруженная соседями с самым строгим острацизмом в отношении печати, она одна дозволила свободный впуск всех иностранных журналов»²⁹.

Русские литераторы, бывая в Италии, стремились расширить и углубить свои представления об итальянской литературе. Некоторые устанавливали личные знакомства с местными писателями. Многолетняя дружба связывала П. А. Вяземского с С. Пеллико. Их первая встреча состоялась в апреле 1835 г. в Турине. Позднее Вяземский так рассказал об этом: «Все наше знакомство... ограничилось несколькими часами откровенной беседы... Но и в этом кратком и мимоходном знакомстве зародилось, смею сказать, чувство взаимной привязанности, которое сохранилось и заоч-

²⁴ «Отечественные записки», 1842, т. 20; ИРЛИ, ф. 26, д. 14, л. 41; «П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 гг.». СПб. 1892, стр. 167, 171. В другом месте Анненков замечал: «В Моденском герцогстве обладание книгой без цензурного штемпеля наказывалось не более не менее, как каторгой» (там же, стр. 201).

²⁵ «Отечественные записки», 1842, т. 20, раздел «Современная периодическая литература», стр. 25—26. Дата основания журнала «Antologia» названа ошибочно, он был создан в 1821 году.

²⁶ Немаловажное свидетельство тому — закрытие журнала «Antologia» в 1833 г. по требованию австрийского правительства после появления статьи аббата Чампи, содержавшей неодобрительную оценку австрийской политики в Италии. «Этот намек стоил жизни «Антолоджин»,— записал в дневнике А. И. Тургенев 30 мая 1833 г. (ИРЛИ, ф. 309, л. 14, л. 98).

²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1833 г., д. 67, л. 53 об.— 54.

²⁸ РО ПБ, ф. 539, оп. II, д. 1003 (листы не пронумерованы).

²⁹ «П. В. Анненков и его друзья», стр. 170.

но. Письма его о том свидетельствуют»³⁰. Тогда же Вяземский познакомился в Милане с писателем А. Мандзони и имел с ним длительную беседу³¹. В октябре 1838 г. у Мандзони побывал В. А. Жуковский. В письме поэту И. И. Козлову, одному из первых переводчиков Мандзони, он рассказал о своих впечатлениях от этой встречи: «Я просидел у него часа два, и, конечно, эти два часа принадлежали к прекрасным часам моей жизни: я наслаждался живым чувством симпатии... Я рассказал Мандзони о тебе, а он мне сказал, что знает тебя, и подал мне экземпляр твоих стихов с твоей подписью». В феврале 1839 г. Жуковский посетил С. Пеллико и записал в дневнике, что Пеллико «имеет всю физиономию своих сочинений: простота и ясность»³².

Интерес к творчеству Пеллико в России 30-х — начала 40-х годов XIX в. был велик. Его популярность объясняется судьбой этого писателя с европейской славой, почти 10 лет проведенного в тюремном заключении за участие в движении карбонариев. Сказался также присущий русской интеллигенции интерес к морально-этическим проблемам. В годы реакции как в России, так и в Италии личность «кроткого страдальца» (по выражению А. С. Пушкина), стойко переносившего выпавшие на его долю невзгоды, не могла не привлечь симпатии многих просвещенных людей России, настроения которых в ту эпоху перекликались с настроениями итальянской интеллигенции. В 30-е годы XIX в. тяжкая доля декабристов продолжала волновать передовых людей России. Быть может, сходство судеб русских узников с судьбой Пеллико и послужило одной из причин живого сочувствия передового русского общества к этому итальянскому писателю. О жизни Пеллико русские люди могли узнать из его книги «Мои темницы», написанной в 1833 г., вскоре после выхода из тюрьмы. Несмотря на проповедь христианского смирения, пронизывающую книгу, она воспринималась современниками как обличительный документ потрясающей силы против австрийского гнета в Италии. Моральные идеи, содержащиеся в «Моих темницах», получили развитие в книге для юношества «Об обязанностях человека», написанной Пеллико в 1834 году.

Трудно с полной достоверностью установить, каким образом книги Пеллико попадали в Россию. Скорее всего их привозили или присылали из Италии либо из Франции (в России был более распространен французский перевод мемуаров) русские путешественники. Так, А. И. Тургенев писал в 1833 г. из Флоренции П. А. Вяземскому: «Посылаю тебе Silvio Pellico, я читал об этой книге в журналах; хвалит утешительный, христианский дух автора и его резиньцию (покорность судьбе.— М. Б.) в заключении»³³. А. И. Тургенев поторопился отправить книгу в Россию, по видимому, даже не успев ее прочитать. А спустя три месяца он послал в Петербург новое издание книги «с прибавлением Пьеро Марончелли, друга и соратника Пеллико в австрийских тюрьмах», тон которого, однако, отличается от тона Пеллико: «он горит иногда негодованием». «Эпическое мученичество» Пеллико восхищает А. И. Тургенева: «10 лет в оковах, без света и без книг, часто без хлеба — и потом на свободе не проклинает никого, а научает, как переносить бедствия!»³⁴.

Рассказ Пеллико о перенесенных им муках, его моральная стойкость и гражданское мужество нашли отклик в сердцах сосланных в Сибирь русских революционеров. К личности Пеллико, его судьбе, его книгам не раз обращались многие из

³⁰ «Русский архив», 1868, № 3, стр. 437—438; N. Kauchtschišwili. Op. cit., p. 297. В монографиях итальянской исследовательницы итало-русских литературных связей Н. Кауччишвили (речь идет о названной выше работе, а также о монографии «Silvio Pellico e la Russia», Milano, 1963) впервые собраны и проанализированы материалы русских и итальянских архивов, а также опубликованных источников. Вместе с тем можно согласиться с автором рецензии на книгу о Вяземском В. Нечаевой, что Кауччишвили несколько преувеличивает роль Италии в формировании политических взглядов Вяземского (В. Нечаева. П. А. Вяземский в Италии. «Вопросы литературы», 1966, № 3, стр. 231—233. См. также рецензии: М. Гиллельсон. Из истории итало-русских литературных связей. «Русская литература», 1966, № 2, стр. 246—250; А. Д. Михайлов. Сильвио Пеллико в России. «Вопросы литературы», 1965, № 11, стр. 235—236).

³¹ N. Kauchtschišwili. L'Italia nella... p. 325.

³² В. А. Жуковский. Сочинения. Т. 6. СПб. 1878, стр. 447—475; «Дневники В. А. Жуковского». СПб. 1903, стр. 468—469.

³³ «Архив братьев Тургеневых». Вып. 6, стр. 226.

³⁴ Там же, стр. 324.

них. Мемуары Пеллико избрал образцом для своих воспоминаний М. А. Бестужев. «В подражание Сильвио Пеллико», отмечал он, его книга была названа «Мои тюрьмы»³⁵. В 1834 г. декабрист П. А. Муханов просит родных прислать ему вышедшую в Италии в том же году книгу «Об обязанностях человека». Близость судеб декабристов и итальянского изгнанника возбуждала у него острый интерес к сочинениям Пеллико, которые во многом были созвучны его раздумьям и переживаниям. «Я получил книгу Пеллико, — писал Муханов из Братского острога в январе 1835 г., — и пробежал ее с жадностью. Ко всем достоинствам присоединяется однообразие нашей судьбы, и Вы можете представить, как мне и книга, и автор по душе»³⁶. Но проповедь смирения, с которой обращался Пеллико к современникам, не всегда принималась декабристами. Так, чувства ярости и негодования по поводу невзгод, выпавших на долю жертв деспотизма, сквозят в строках «Записок декабриста П. И. Лорера», посвященных времени пребывания его в Петропавловской крепости: «В полдень темница моя едва освещалась солнцем, которое для других смертных светило уже половину своего обычного пути. Silvio Pellico, вероятно, было не лучше моего в Шпильберге. О Меттерних! Какой ответ дашь ты пред престолом предвечного за все жертвы твоего утонченного деспотизма и тирании, за жертвы, которые страдали и умирали с голоду в казематах по твоим повелениям?»³⁷.

Из записок декабриста И. Д. Якушкина видно, что он тоже был знаком с мемуарами Пеллико, которые затем ему удалось переправить другому ссыльному участнику восстания 1825 г., А. И. Одоевскому. «Спасибо Вам за Вашего Сильвио, — писал Одоевский 6 февраля 1836 г., — он заставил меня испытать чувство невыразимой грусти, напомнив мне за какие-нибудь четверть часа чтения восемь лет моего существования»³⁸.

Вести о том, что книги Пеллико известны декабристам, доходили до автора. Однажды он получил «из глубины Сибири письмо, полное выражений самой живой признательности и самого горячего восхищения» от ссыльного русского князя. По-видимому, автором письма был С. П. Трубецкой. Это предположение итальянского исследователя в известной мере подтверждается словами самого Пеллико, который в письме своему брату Луиджи (от 22 февраля 1839 г.), посвященном знакомству с В. А. Жуковским, сообщил, что тот «рассказал ему о князе Трубецком, все еще находящемся в ссылке в Сибири»³⁹. Интерес Пеллико к личности Трубецкого мог быть вызван также следующим обстоятельством. Речь идет об обмене письмами между братом Сергея Трубецкого Никитой и Пеллико. Н. Кауччишвили нашла в Турине, в библиотеке «Сан-Антонио», письмо Н. П. Трубецкого из Петербурга от 30 апреля 1834 г., адресованное Пеллико. Автор письма выражал восхищение по поводу мемуаров Пеллико и сообщал, что заканчивает перевод их на русский язык.

Нам удалось обнаружить копию неизвестного до сих пор исследователям ответа Пеллико Н. П. Трубецкому⁴⁰. Письмо датировано 30 сентября 1834 года. В нем Пел-

³⁵ «Воспоминания Бестужевых». М.-Л. 1951, стр. 430; «Декабристы на каторге и в ссылке». М. 1925, стр. 222.

³⁶ «Декабристы на каторге и в ссылке», стр. 222.

³⁷ «Записки декабриста П. И. Лорера». М. 1931, стр. 98—99.

³⁸ «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». М. 1951, стр. 90; «Литературное наследство». Т. 60. Декабристы-литераторы. М. 1956, стр. 263.

³⁹ M. M a r c h e s e. Silvio Pellico. sa vie, ses oeuvres, ses amitiés, ses lettres inédites. «Revue contemporaine» (P.) 1854, t. 16, № 61, p. 61; N. Kauchtschischwili. Silvio Pellico e la Russia, pp. 31, 34.

⁴⁰ Документ этот находится в Рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (РО ГБЛ, ф. 340, д. 12) в тетради, носящей заголовок. «Копии писем Н. Н. Шереметевои и разных писем». Владелица тетради Н. Н. Шереметева (урожденная Тютчева) — личность примечательная благодаря тесным связям с декабристами. Сын ее, Алексей Шереметев, был членом московской организации «Союза благоденствия», но, как отмечается в «Алфавите декабристов», отстал от него и не участвовал в тайных обществах. Поэтому к следствию он не привлекался. Ее дочь Анастасия Васильевна была замужем за одним из самых видных деятелей декабристского движения, И. Д. Якушкиным, сосланным после восстания 14 декабря в Сибирь («Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина», стр. 581). В том же архиве нами обнаружены многочисленные письма Н. П. Трубецкого Н. Н. Шереметевои. По-видимому, Трубецкой дал Шереметевои адресованное ему письмо столь популярного в России в то время Пеллико с тем, чтобы для нее была сделана копия.

лико пишет о своей радости по поводу того, что «мои несчастья могли так живо Вас растрогать, что Вам дорого мое нынешнее благополучие, что моя книга «Темницы» понравилась Вам и что Вы перевели ее». С большой сердечностью рассказывает писатель о том, что после перенесенных им злоключений, чрезвычайно ослабивших его здоровье, он счастлив теперь находиться в кругу родных и друзей. В заключение Пеллико просит прислать ему, «когда представится оказия», экземпляр сделанного Трубецким русского перевода «Моих темниц». «Я не знаю русского языка, — писал он, — но я бы мог когда-нибудь развлечь себя изучением этого языка по Вашей книге, подобно тому, как Вы, по Вашим словам, изучили итальянский по моей книге»⁴¹.

Отношение к личности Пеллико и к его книгам ссыльных декабристов и близкого им окружения не могло остаться неизвестным А. С. Пушкину, тесно связанному с этими кругами. Ответ их восхищения, по-видимому, лег на его восприятие сочинений итальянского писателя. Как известно, А. С. Пушкин написал предисловие к русскому переводу книги Пеллико «Об обязанностях человека», в котором говорит о книге с глубоким уважением. Пушкин не прошел и мимо «Моих темниц»: «Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получив свободу, издал свои записки. Изумление было всеобщее: ждали жалоб, написанных горечью, — прочли умиленные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательности... В «Записках» ни разу не вырывается из-под пера несчастного узника выражение нетерпения, упрека или ненависти»⁴². П. А. Вяземский после смерти А. С. Пушкина послал Пеллико эту статью и рекомендовал опубликовать ее. Пеллико с присущей ему скромностью отверг это предложение, написав в ответ: «Мне лестно благорасположение вашего доброго Пушкина, я ценю оное, и тем более не следует мне самому говорить о том. В этом писателе вы лишились одного из отличнейших умов»⁴³.

О революционных контактах русских и итальянцев в изучаемую эпоху нет почти никаких документальных данных. Поэтому даже самое беглое обращение к этому вопросу в источниках привлекает внимание. В этой связи большой интерес представляет дневник русского путешественника (имя которого нам неизвестно), давшего живую картину жизни Венеции начала 40-х годов XIX века. В его записях почти ежедневно находим размышления об отношении венецианцев к австрийскому гнету и пагубном его воздействии на Венецию. «Венеция пустеет благодаря нашествию тедесков-австрияков», — отмечал он 23 ноября 1843 года. На следующий день он сделал такую запись: «Венеция весьма нуждается, по-моему, в двух предметах: в воде и в свободе!» «Австрийцы что ни делай, а венецианцы и вообще итальянцы все в лес глядят, — гласит запись от 30 ноября. — Как огонь с водой, так итальянцы с тедесками не уживаются. Как огонь ни вспыхивает, а вода тушит да душит. Все деспотизмы ни к черту не годятся, но уж хуже австрийского, кажется, не может быть»⁴⁴.

Но вот заметка от 18 декабря 1843 г.: «Сошелся на площади с молодым Фрейгангом (сыном русского генерального консула в Ломбардо-Венецианском королевстве В. И. Фрейганга. — М. К.). Он столько же ненавидит Австрию, сколько любит Россию. В своей маленькой сфере действия он делает все, что может, чтобы насолить австрийцам. Его главная забота — здешние славяне. У него с ними большие связи и сношения, особенно с офицерами. В двух полках уже все устроено и настроено к действию, или, лучше сказать, к противодействию, при первом удобном случае. Как бы только не пронюхал Меттерних»⁴⁵.

С другой попыткой установления контактов с революционными кругами в Италии знакомит нас дело А. Жеребцова, хранящееся в архиве III отделения. Сын мелкого помещика Тверской губернии, он поселился в 1830 г. в семье близких родственников в Неаполе. Свой бунтарский пыл, не растраченный в России, А. Жеребцов направил на революционную агитацию среди неаполитанцев. По его собственным

⁴¹ РО ГБЛ, ф. 340, д. 12, лл. 121—122 об.

⁴² «Современник», 1836, т. 3, стр. 308.

⁴³ «Русский архив», 1868, № 3, стр. 449.

⁴⁴ ЦГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 334, лл. 73, 75 об., 85, 85 об.

⁴⁵ Там же, л. 99.

словом, он «в Неаполе... почти публично говорил о свержении в скором времени всех абсолютных монархов. Я повсюду, ежедневно оскорблял неаполитанское правительство,.. еще менее щадя короля и принцев... Вместе с тем я укорял местных жителей за то, что они терпят иго, которое их угнетает». Жеребцов нередко призывал (как он признавал сам) в общественных местах к расправе с «тираническим игом королевской семьи». Пытаясь обнаружить революционно настроенных людей среди окружающих, он обращался, в частности, к своим кузенам, служившим в неаполитанской армии. Чтобы вдохновить их на борьбу, А. Жеребцов сообщил им о существовании русского тайного общества (на следствии он признал, что все это было чистейшим вымыслом), охватившего всю Россию. Некоторые члены общества, по его словам, находились и в Италии. Но кузены Жеребцова не стали его единомышленниками. Более того, они, по-видимому, рассказали обо всем услышанном своему отцу, старому информатору австрийской и русской полиции графу д'Орреру, который вскоре отправил в III отделение доклад на племянника, где воспроизводились рассказы последнего относительно тайного общества. Тщательная проверка, проводившаяся под руководством Бенкендорфа, подтвердила мифический характер общества. Однако «за преступные его выдумки и рассказы за границу» Жеребцов был в 1839 г. вытребован в Россию, посажен в Шлиссельбургскую крепость, а в 1841 г. выслан под надзор полиции в Пермь⁴⁶.

Известный интерес представляют материалы о личных контактах основателя русской политической эмиграции Н. И. Тургенева, проживавшего в Париже на протяжении 30-х — 40-х годов XIX в., с итальянскими политическими эмигрантами. Отцом его жены был пьемонтский изгнанник 1821 г. маркиз Виарис. По-видимому, через него Н. И. Тургенев сблизился с генералом Г. Пепе (возглавлявшим в 1821 г. революционную армию в Неаполе) и с либералом Т. Мамиани. Приехавший в 1839 г. в Париж после 15-летнего заключения в Шпильберге гр. Ф. Конфалоньери часто бывал в доме Тургенева. Не раз в письмах к брату Александру Николай Иванович делился своими впечатлениями от встреч с Конфалоньери, восхищаясь «этою жертвою преданности своей земле»⁴⁷. На протяжении 1835—1836 гг. вместе с Г. Пепе Тургенев неоднократно посещал Ф. Буонарроти. С итальянскими эмигрантами познакомился в доме Тургенева М. А. Бакунин⁴⁸. Эта интересная страница истории итало-русских связей также свидетельствует о том, что лучших представителей русской и итальянской интеллигенции сближали не только морально-этические проблемы, но и политические настроения.

В интересующие нас годы в Италии торжествовала реакция, опиравшаяся на силу австрийских штыков. В этой «темной ночи» (по выражению А. И. Герцена) время от времени происходили вспышки революционного протеста. «Вы помните благородные попытки, безумные до величия, самоотверженные до безумия»⁴⁹, — писал А. И. Герцен об этом времени. Наиболее ярким движением той поры в Центральной Италии явилась революция 1831 года. Заметное воздействие оказали на раздираемые острейшими социальными и политическими противоречиями Папское государство и герцогство Моденское революционные события 1830 г. во Франции. Недаром с Июльской революцией Н. В. Гоголь связывал сильное политическое движение в Италии: «Мечтали о возвращении погибшей итальянской славы»⁵⁰.

Итальянские события не волновали русское общество (хотя о них детально общались и официальные газеты, и «Северная пчела» Греча и Булгарина) в такой мере, как революция во Франции и в еще более значительной степени польское восстание 1830—1831 годов. Поэтому именно сквозь призму польских событий или, во всяком случае, в связи с ними чаще всего говорят русские о том, что происходило в Италии. В «Телескопе» появилась статья М. П. Погодина «Исторические размышления об отношениях Польши и России», где автор утверждал, что вернуть неза-

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экзп., 1839 г., оп. 14, д. 167, ч. 1, лл. 368, 543, 545.

⁴⁷ В. М. Тарасова. Н. И. Тургенев в Западной Европе в 30—50-е гг. XIX в. и его общественно-политические связи. «Ученые записки» Марийского пединститута, 1966, т. 28, стр. 120—122.

⁴⁸ М. А. Бакунин. Исповедь и письмо Александру П. М. 1921, стр. 59.

⁴⁹ А. И. Герцен. Указ. соч., стр. 104.

⁵⁰ Н. В. Гоголь. Указ. соч. Т. 3, стр. 221.

висимость Польше и другим государствам, в том числе Ломбардии, «предприятие, говоря вообще, суетное, невозможное, безумное»⁵¹.

Большой интерес представляют высказывания князя П. Б. Козловского относительно европейских, и в частности итальянских, революционных событий 1831 года. Блестящий дипломат, вынужденный из-за своих либеральных взглядов еще в начале 20-х годов XIX в. уйти в отставку, он проводил значительную часть жизни, путешествуя по Западной Европе. В письмах Н. И. Тургеневу во время итальянской революции Козловский писал о муках вождя моденской революции Ч. Менотти, арестованного в первый же день восстания, о «цепи Шпильберга» на шею других руководителей итальянских событий — генерала Цукки и профессора Винсенти. Особенно интересно его замечание о пагубном влиянии реакционной клики во Франции на «страны с большим будущим — Польшу, Бельгию и на область Болоньи, единственную область в Италии, которая на деле была республиканской, где не видели ни короля, ни герцога, ни солдат, ни жандармов. Франция принесет ей смерть, как она уже сделала это Генуе и Венеции (в эпоху Наполеона.— М. К.)»⁵².

Осмысление уроков революции 1830—1831 гг. привело, как известно, к возникновению в 1831 г. общеталианской революционной организации «Молодая Италия». Ни имени ее создателя Джузеппе Мадзини, ни упоминаний о самой организации, о деятельности мадзинистов в Италии мы пока не нашли в документах, принадлежавших радикально мыслящим русским людям. Лишь в 1848 г. в «Письмах из Франции и Италии» А. И. Герцен написал о Мадзини, «начавшем работать темной ночью для рассвета»⁵³. Это и не удивительно. В Италии все связанное с мадзинизмом было законспирировано. Имя Мадзини пугало не только итальянских и других западноевропейских правителей. Спустя год после того, как из донесений дипломатов царскому правительству стало известно о существовании ассоциации «Молодая Италия», граф К. В. Нессельроде обратился к Бенкендорфу с предложением, посвященным «Иосифу Мадзини, начальнику общества «La Jeune Italie»⁵⁴. Российский министр иностранных дел передавал в III отделение «снимок с письменного почерка» Мадзини, присланный русским поверенным в делах в Швейцарии Д. П. Севериным, который вместе с Нессельроде надеялся, что снимок поможет выявить нити заговора, участники которого, «возможно, существуют и у нас»⁵⁵.

Конец 1847 г. был для Италии временем быстрого нарастания в стране признаков общественного подъема, предвещавшего грядущий революционный взрыв. «Италия находится в чрезвычайном брожении, которое, конечно, нельзя назвать настоящей революцией, однако же оно предвещает важные и грустные последствия для будущего Италии и даже для всеобщего мира»⁵⁶, — говорилось в донесении русского посланника в Риме А. П. Бутенева от 9 августа. Газета «Русский инвалид», подробно сообщавшая об итальянских событиях тех дней, отмечала 17 сентября: «Италия уже вступила в фазу переворота». Особенно точно сумел передать предреволюционную атмосферу в Италии А. И. Герцен, приехавший туда из Парижа осенью 1847 года. Выделяя существенные черты итальянского Рисорджименто, он писал в декабре того же года: «Время тяжелого сна для Италии прошло... Теперь Италия забыла старые притязания и семейные ссоры... Она спаялась горем и слезами и требует государственного единства и гражданской свободы»⁵⁷. Италия стояла тогда на пороге новой революционной эпохи.

⁵¹ «Телескоп», 1831, № 6, стр. 309.

⁵² ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, д. 5083, лл. 323 об., 328 об.—329.

⁵³ А. И. Герцен. Указ. соч., стр. 104.

⁵⁴ Первое упоминание «Мольдой Италии» встречается в донесении поверенного в делах России в Риме Фурмана графу Нессельроде от 12 ноября 1832 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 247, лл. 92—93 об.; ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1833 г., д. 390, лл. 1—3).

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1833 г., д. 390, л. 2.

⁵⁶ А. Попов. Рим в 1847 и 1848 годах. СПб. 1871, стр. 63.

⁵⁷ А. И. Герцен. Указ. соч., стр. 78.